

© 1990 г.

ШЕЛОВ С. Д.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (ОПЫТ ТИПОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Для терминологии роль научных определений, устанавливающих границы значения термина и закрепляющих его смысловые связи с другими терминами, является общепризнанной. Согласно А. Рею, дефиниция «является, возможно, центром проблемы термина» [1, с. 39]. Несмотря на достаточно обширную литературу, посвященную вопросам построения и анализа определений, оценка дефиниций в формировании смысловой стороны терминов сталкивается со значительными трудностями. Трудности эти вызваны следующими причинами: 1) разнообразием точек зрения на природу и сущность определения; 2) разнообразием видов определений, часть которых признается в качестве собственно определений одними исследователями и не признается другими, 3) нерешенностью вопроса о том, имеется ли и в чем заключается специфика определения терминологических единиц. Теория определения сама по себе изучает дефинирование самых различных номинаций; языковыми выражениями, определение которых изучается логикой, могут быть, например, такие: *морфема, придаточное предложение, правонарушение, окружность, вписанная в треугольник, Юлий Цезарь, красный, я, решить уравнение, или, романтизм в литературе*. Эта пестрая картина усугубляется и весьма различными взглядами на дефиницию (краткая сводка формулировок, касающихся природы определения, от Платона до Р. Карнапа приведена в работе [2, с. 2—31].

В круг проблем, решаемых в настоящей работе, не входит обоснование той или иной точки зрения на сущность дефиниции,— такое обоснование представлено в работах Д. П. Горского [3] и Р. Робинсона [2]. Задачи статьи заключаются в следующем: 1) на материале лингвистической терминологии, который, насколько нам известно, редко привлекается к общетерминологической проблематике, описать используемые на практике типы определений терминов, 2) выделить то общее, что объединяет эти типы, и на этой основе сформулировать специфические черты определения терминологических единиц. Объект изучения составляют словесные (вербальные) определения субстантивной терминологии в словарях по языкознанию [4—14], а также отдельные тексты по лингвистике, в которых дефиниции тех или иных терминов и стоящих за ними понятий четко выделены [15—20]. В соответствии с логической традицией определяемое выражение далее обозначается как *Did*, а определяющее — как *Din*. Поскольку лингвистический материал исследования не вполне традиционен, иногда, в целях большей иллюстративности, приводятся примеры и из других областей знания. Статья не претендует на исчерпывающее решение поставленных задач. Автор сочтет свою цель достигнутой, если работа привлечет внимание к проблеме определения лингвистических терминов и будет способствовать сближению логических и лингвистических ее аспектов.

Наиболее часто используемый в терминологической практике тип определений — так называемые родовидовые (или классифицирующие) определения. Приведем соответствующие примеры: 1) *Междометие* «Неизменяемая часть речи, которая служит для выражения чувств и волевых импульсов, но не называет их»; 2) *Склонение* «Парадигма словоизменения существительных и других субстантивных форм по падежам, обычно характеризующаяся специфическими флексивными свойствами слов данного языка»; 3) *Второстепенный член предложения* «Член предложения, не являющийся главным»; 4) *Агглютинация* «Механическое присоединение однокоренных стандартных аффиксов к неизменяемым корням или основам»; 5) *Морфологическая членимость* «Способность слова распадаться на корень (основу) и аффиксы»; 6) *Основа* «Часть словоформы, которая остается, если отнять у нее окончание и формообразующий суффикс, и с которой связывается ее лексическое значение»; 7) *Спиранты* «Все непрерывные звуки, возникающие при трении, которое осуществляется в каком-либо определенном месте»; 8) *Вентиль* «Часть логического элемента интегральной микросхемы, реализующая одну элементарную логическую функцию»; 9) *Влагоемкость торфа* «Способность торфа поглощать и удерживать определенное количество воды»; 10) *Альбеда* «Отражательная способность какой-либо поверхности земли или неба».

Родовидовые определения обладают значительной логико-семантической универсальностью: они могут быть приписаны и терминам, обозначающим объекты (*междометие, вентиль*), и терминам, обозначающим процессы (*агглютинация*); терминам, обозначающим свойства (*морфологическая членимость, влагоемкость торфа*), и терминам, называющим величины и единицы измерения. Родовидовые дефиниции в равной степени могут охватывать имена конкретных предметов и имена абстрактных предметов, они могут относиться и к однословным терминам (*склонение, альбеда*), и к многословным (*второстепенный член предложения, морфологическая членимость*). История изучения определений этого вида идет от Платона и Аристотеля (для последнего они были единственно возможным типом дефиниций). Родовидовые определения признаются как определения всеми без исключения исследователями. В некоторых словарях субстантивная терминология получает почти исключительно родовидовые определения: среди словарей лингвистических терминов таковы издания [5, 11].

При всем разнообразии родовидовых дефиниций в них всегда выделяется родовое (для данного Dfd) понятие и видовой признак этого понятия, который и позволяет вычленить соответствующий вид и считать его значением Dfd. Например, для терминологической единицы *междометие* родовым понятием является «неизменяемая часть речи», а видовым признаком — «которая служит для выражения чувств и волевых импульсов, но не называет их»; для терминологической единицы *основа* родовым понятием является «часть словоформы», а видовым признаком — «которая остается, если отнять у нее окончание и формообразующий суффикс, и с которой связывается ее лексическое значение». В составе родовидовых дефиниций некоторые учебники логики числят и так называемые генетические определения, т. е. определения, в которых указывается способ образования, возникновения, построения объекта [21, с. 38; 22, с. 167]. Согласно точке зрения Д. П. Горского, однако, не все генетические определения могут быть подведены под родовидовое [3, с. 63—64]. По-видимому, когда структура определения позволяет, во-первых, выделить, родовое понятие, во-вторых, выделить видовой признак и, в-третьих, квалифицировать этот видовой признак как указание на способ образования, возник-

новения объекта, тогда соответствующее определение может быть с полным правом отнесено к числу генетических родовидовых определений. Среди приведенных примеров таковы дефиниции имен *основа*, *спиранты*¹. Таким образом, языковой моделью этого типа дефиниций является формула определенной дескрипции:

X - ЭТО ТАКОЙ Y, ЧТО P(Y).

К родовидовым определениям следует относить любую дефиницию, у которой в составе Dfn вычленяется родовое (для Dfd) понятие и его видовой признак. В частности, сюда включаются и такие родовидовые дефиниции, которые сформулированы в слишком общих и неконструктивных исследовательских категориях, чтобы можно было предполагать возможность их однозначного анализа в устоявшихся понятиях лингвистики, ср.: 10) *Предложение* «Грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Предложение обладает свойством звуковой выделяемости, оно выражает предикацию и состоит из одного или нескольких слов»; 11) *Грамматическая категория* «Классы грамматических единиц (items), различающихся по форме, функции или значению».

В определении *предложения* с формально-логической точки зрения родовым понятием является «грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи», а видовым признаком — одновременное выполнение (конъюнкция) признаков «быть главным средством формирования, выражения и сообщения мысли, обладать свойством языковой выделяемости, выражать предикацию, состоять из одного или нескольких слов». С содержательной точки зрения это определение правомерно только в случае уточнения и экспликации следующих противопоставлений: «грамматически оформленная единица речи — грамматически неоформленная единица речи», «целостная единица речи — нецелостная единица речи», «главное средство формирования мысли — неглавное средство формирования мысли» и т. п. Аналогичное mutatis mutandis справедливо и для определения термина *грамматическая категория*: ср. противопоставления «грамматическая единица — неграмматическая единица», «различающийся по форме — неразличающийся по форме», «различающийся по функции — неразличающийся по функции» и т. п. В настоящее время рассчитывать на однозначность такой экспликации, общепринятой для языкознания в целом, вряд ли возможно. Поэтому здесь мы встречаемся с теми родовидовыми определениями, которые в работе Д. П. Горского характеризуются как «гетерогенные определения» [3, с. 213 и сл.]. Фактически таковы нередко определения некоторых наиболее общих, универсальных терминов лингвистики².

Следует обратить внимание на то, что родовидовой анализ может быть проведен и для дефиниции терминов *основа* (*вентиль*), с одной стороны, и для дефиниции терминов *морфологическая членимость* (*влагоемкость торфа*), с другой. В классификации определений, предложенной И. Н. Волковой, соответствующие дефиниции не попадают в число родовидовых, а образуют, по всей вероятности, самостоятельные типы: первые, согласно этой классификации, являются паритивными, а вторые — квазиродовыми [23, 24]. Характеризуя квазиродовые дефиниции,

¹ Аналогичное решение принимается в работах И. Н. Волковой [23, 24].

² Об универсальных терминах см. [25]. Одним из свойств, обуславливающих гетерогенность определений, является неотделимость в Dfn объектной семантики от метасемантики [26, с. 7–8].

И. Н. Волкова отмечает: «Одним из таких способов (т. е. способов дефинирования.— *III. С.)* является формулирование определения по типу родовидового, но с использованием не ближайшего родового понятия, а либо понятия категории „свойство“ („способность“), „величина“, либо одного из понятий, классификационный уровень которых относительно определяемого понятия в данной системе не установлен... Назовем такие определения квазиродовыми» [24, с. 159—160]. Справедливо, что в подобных примерах не установлен «классификационный уровень понятий относительно определяемого понятия»; справедливо также и то, что между единицами, допустим, *основа* и *слово* устанавливается отношение «часть — целое», а между единицами *слово* и *морфологическая членимость* — отношение «объект — его свойство». Однако этот факт не может, с нашей точки зрения, служить аргументом в пользу отказа от квалификации соответствующих дефиниций как родовидовых. В самом деле, этот факт не отменяет родовидовых отношений между единицами *основа* и *часть словоформы*, *морфологическая членимость* и *способность слова*, *владеемость торфа* и *способность торфа* и т. п. Следовательно, из замечания относительно «неустановленности классификационного уровня понятий» вытекает только то, что родовидовые определения могут быть разделены на две группы, а именно: на такие определения, классификационный уровень родовых понятий в которых установлен (относительно определяемого понятия), и на такие, классификационный уровень родовых понятий в которых не установлен. В последнюю группу и входят, например, партитивные и квазиродовые (по И. Н. Волковой) дефиниции. Рассматриваемая классификация поэтому сохраняет, на наш взгляд, рациональную основу, если предложенные деления проводить внутри родовидовых определений и в их составе выделять и партитивные, и квазиродовые.

Поскольку видовой признак соответствующим образом делит родовое понятие, родовидовые дефиниции тесно связаны с логическими правилами деления понятия, и посредством этой связи — с проблематикой классификации. В то же время эти определения неоднократно изучались и с лингвистической точки зрения — как в аспекте описания семантики видового признака, так и в аспекте описания способов выражения родового понятия и видового признака [27—29]; исследованию определений лингвистических терминов с точки зрения синтаксиса предложения, выражающего определение, посвящена статья [30].

Другой разновидностью определений, использующихся в терминологической практике, являются перечислительные определения, которые в логике часто называются экстенциональными (или денотативными). К их числу можно отнести, например, следующие дефиниции: 12) *Главные члены предложения* «Подлежащее и сказуемое»; 13) *Фарингальные* «Фарингальные, гортанные и ларингальные звуки»; 14) *Упорядочение* «Избирательность, порядок, модификация и модуляция»; 15) *Шахматная фигура* «Король, ферзь, ладья, слон, конь и пешка»; 16) *Великобритания* «Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия» (пример Р. Робинсона).

Некоторые из подобных определений более естественно формулируются в другой, номинальной форме, например: 13') *Фарингальные* «Общее название фарингальных, гортанных и ларингальных звуков»; 14') *Упорядочение* «Общий термин для обозначения четырех явлений: избирательности, порядка, модификации, модуляции».

Эти определения не являются родовидовыми, ибо они не обладают родовидовой структурой. Смысловое содержание Dfd фиксируется здесь посредством перечисления элементов, входящих в него — либо как видо-

вые его представители, либо как его части. Так, подлежащее и сказуемое — виды главных членов предложения; фарингальные, гортанные и ларингальные звуки — виды фаукальных; Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия — части Великобритании. Моделью этого типа дефиниций является формула:

$X - \text{ЭТО СОВОКУПНОСТЬ } X_1, X_2, \dots, X_n.$

Термины «экстенциональное определение» или «денотативное определение», используемые в этих случаях, представляются нам не вполне удачными, ибо экстенционалом (или денотатом) обладают *Did* и *Din* и других видов определений (например, родовидовых). Поэтому в дальнейшем мы будем называть эти определения перечислительными.

Перечислительные определения имеют то преимущество перед родовидовыми дефинициями, что они не требуют указания на признак, который выделяет *Did* из числа других предметов. Перечислительное определение непосредственно именует предметы, в каком-то смысле входящие в состав *Dfd*. В силу этого перечислительные дефиниции менее аналитичны, чем родовидовые, и могут использоваться при меньшей изученности определяемого объекта. Однако это достоинство оборачивается крупным недостатком при необходимости именовать многочисленных представителей *Dfd*. Д. П. Горский отмечает в этой связи: «Если класс очень многочислен (не говоря уже о практически бесконечных классах), то экстенциональное определение соответствующего термина не может быть осуществлено: мы можем лишь ограничиться приведением примеров для пояснения соответствующего термина» [3, с. 82]. Интересно, что Р. Робинсон допускает в качестве перечислительных определений такие имеющие познавательную ценность, но далекие от смысловой законченности высказывания, как: «Птицы — это гуси, жаворонки, орлы, чайки и т. п.»; «Романтики (в литературе) — это Шелли, Уордсворт, Ките, Скотт и др.» [2, с. 114].

Подобные высказывания могут быть причислены к определениям с большой долей условности: они лишены требуемой для всякой дефиниции четкости. Состав *Dfd* существенно зависит здесь от интерпретации выражений «и т. п.», «и др.». При одной интерпретации, например, пингвины попадут в класс птиц, а при другой — нет; при одной интерпретации Байрон окажется в числе романтиков, а при другой — нет. В силу сказанного такие построения более правильно было бы квалифицировать не как перечислительные определения, а как пояснение примерами (что согласуется с традиционной трактовкой в логике способов объяснения значения терминов, отличных от дефиниций, — описания, сравнения, иллюстрации примерами [21, 22]). Собственно перечислительные определения — именно как определения, а не пояснения примерами — редки в терминологической практике.

Исследуемые до сих пор определения имели структуру, в которой *Dfd* семантически приравнивается к *Dfn*. Этими определениями, называемыми в логике явными, не исчерпывается многообразие дефиниций: существуют и такие определения, структура которых не предусматривает такого приравнивания. Рассмотрим, например, следующее высказывание: «Диагональ четырехугольника делит этот четырехугольник на два треугольника». Если предположить, что нам неизвестно значение термина *диагональ четырехугольника*, но известно значение выражения «делить четырехугольник на два треугольника», то это высказывание можно рассматривать как определение термина *диагональ четырехугольника*. Подобные дефиниции называются (неявными) контекстуальными определе-

ниями: так, контекстом, которым дефинируется термин *диагональ четырехугольника*, является приведенное выше предложение.

В качестве контекстуальных рассматриваются и так называемые аксиоматические определения, классической иллюстрацией которых служат определения ряда геометрических терминов, предложенные Д. Гильбертом в ходе аксиоматического построения геометрии. В этой аксиоматизации отсутствуют явные определения таких терминов, как *точка*, *прямая*, *плоскость*, *прямая, принадлежащая точке* и т. п. Вместо этого Д. Гильберт предложил набор некоторых аксиом (т. е. утверждений, принимаемых в рамках данной теории без доказательств), содержащих эти термины. Если исходить из истинности утверждений об объектах, обозначенных соответствующими терминами, то аксиомы и служат контекстом, определяющим данные термины³. Аксиоматические определения могут использоваться не только в науках логико-математического цикла, но в любой области знания при формализации какого-либо ее раздела. Известные примеры аксиоматических построений в физике, биологии. Попытка дедуктивного истолкования лингвистических воззрений Ф. де Соссюра сделана в работе [15]. При таком подходе соответствующие контексты, в том числе аксиоматические, дефинируют термины *обозначаемое*, *обозначающее*, *знак*, *значимость* подобно тому, как геометрические аксиомы дефинируют термины *точка*, *прямая*, *плоскость*, ср.: «Значимости определяются соотношениями означающих, означаемых и знаков между собой»; «означающее протяженно» и т. п. [15, с. 12–13].

Контекстуальные определения терминов исходят, таким образом, во-первых, из фиксированного множества контекстов, включающих один или несколько определяемых терминов, и, во-вторых, из истинности утверждений, выражаемых всеми соответствующими контекстами. Это справедливо и для такой разновидности контекстуальных определений, где соответствующие контексты не претендуют на статус аксиом, но все же считаются верными утверждениями. Г. Райхенбах квалифицирует подобные определения как *definitions in use*, определенным посредством употребления. (В качестве эквивалента английского *definition in use* часто используется термин «определение для употребления»; более точным переводом в данном случае был бы, с нашей точки зрения, эквивалент «определение посредством употребления» или «определение через употребление».) Подчеркивая имплицитность такого способа дефинирования, он констатирует, что зная значение всех предложений, включающих определяемый термин, достаточно для практических целей [32, с. 22]. Общий случай контекстуальных дефиниций охватывается формулой, неизбежно включающей неопределенную дескрипцию «то, что...», «тот (объект), который...», «то, для чего...» и т. п.:

$X_1, X_2, \dots, X_k$ - ЭТО ТЕ ОБЪЕКТЫ, ДЛЯ КОТОРЫХ ИСТИННЫ

УТВЕРЖДЕНИЯ $P_x(X_1, \dots, X_k), P_2(X_1, X_2, \dots, X_k), \dots,$

$P_n(X_1, X_2, \dots, X_k)$

[В некоторые $P_i(X_1, X_2, \dots, X_k)$ могут входить не все $X_1, X_2, \dots, X_k$ одновременно].

В частном случае эта формула имеет вид:

X - ЭТО ТОТ ОБЪЕКТ, ДЛЯ КОТОРОГО ИСТИННЫ УТВЕРЖДЕНИЯ

$P_1(X), P_2(X), \dots, P_k(X),$

Логико-семантический анализ этой терминосистемы проводится в работе [31].

Значительное количество контекстуальных определений этого вида содержится в словарях и словарно-ориентированных изданиях [6—10, 12, 14]; приведем соответствующие примеры: 19) *Структурный порядок* «Принцип (исследования) непосредственно составляющих позволяет нам наблюдать структурный порядок составляющих, который может отличаться от их действительной последовательности»; 20) *Atomic predicate* «Атомарный предикат входит в универсальный семантический алфавит; с помощью набора таких единиц образуются семантические представления»; 21) *Стилистика* «Стилистика исследует выбор тех языковых форм, которые описываются грамматикой и лексикографией»; 22) *Дыра в модели* «Дыра в модели имеет место (occurs), если фонологическая система является асимметричной в том или ином отношении, например, в голландском три глухих смычных [p], [t], [k], но только два звонких смычных [B] и [d], а [g] появляется лишь как аллофон [k]». Иллюстрацией контекстуального определения может служить также дефиниция термина *синтаксическая синонимия* в монографии [16]; Did здесь очерчивается тремя постулатами, один из которых, например, следующий: 23) *Синтаксическая синонимия* «Синтаксическая синонимия задается преобразованием, которое не меняет состава знаменательных лексем предложения, а меняет лишь их грамматические формы и набор служебных слов» [16, с. 20].

Оценивая некоторые контекстуальные определения, Д. П. Горский¹ отмечает: «Эти определения, на наш взгляд, оказывают существенную помощь тогда, когда мы пытаемся разяснить предельно общие понятия, используемые в самых различных системах и языках. Таковы, например, категории. Естественным способом их определения являются аксиоматические дефиниции, т. е. через описание их соотношений (ср. определения сущности и явления, формы и содержания и т. п.)» [3, с. 54]. Ярким примером, подтверждающим эту мысль, может служить следующая словарная статья: 24) *Компетенция и употребление* «Различие, первоначально введенное Н. Хомским: компетенция относится к способности говорящего понимать и производить предложения, которые он никогда до того не слышал; в этом смысле она относится к коду, который лежит в основе (underlies) всех высказываний на данном языке. Употребление, с другой стороны, относится к реализации этого кода в реальной ситуации использования языка и, следовательно, распространяется на сами высказывания» [3, с. 44].

Особый случай дефинирования представляют собой определения, походя на контекстуальные, однако не фиксирующие четко тот набор контекстов-утверждений [P; (X)], который служит дефиницией. В гуманитарных науках вообще, и в языкознании в частности, такая ситуация достаточно типична. Так, автор, использующий тот или иной термин, может указать, предъявить лишь некоторые объекты, на которые данный термин распространяется. В дальнейшем он может, употребляя данный термин, обходиться без четкой фиксации дефиниционных контекстов и без ссылок на какие бы то ни было дефиниции, все же рассчитывая на однозначное понимание. При этом он чаще всего не претендует на то, что все контексты, содержащие данный термин, являются необходимой частью дефиниции. Он просто может предполагать, что вся совокупность контекстов, в которых встречается данный термин, по всей вероятности, содержит его определение, хотя точные текстуальные границы этого определения «жестко» не установлены. Данный способ дефинирования оставляет точный перечень контекстов, служащих собственно дефиницией, неизвестным и в этом смысле не вполне ограничивается от описания. Таково нередко

встречающееся в научных текстах «бездефиниционное» употребление терминологии (о сложностях построения дефиниции в гуманитарных науках см. [3, с. 198–222]).

Общей чертой родовидовых, перечислительных и контекстуальных дефиниций является их реализуемость только вербальными средствами — понимание того, что такое Did подразумевает (по крайней мере, на каком-то уровне понимания) только знание языка, на котором сформулирована соответствующая дефиниция. Иначе обстоит дело с так называемыми «операциональными определениями». Этот вид определений подразумевает не только вербальное поведение — например, языковой анализ Dfn — но и осуществление некоторых неязыковых процедур. Примеры операциональных определений, главным образом, физических терминов и обсуждение их роли в науке представлены в монографии [3]. В той же мере, в какой применение одних и тех же операций к одним и тем же исходным объектам с помощью одних и тех же инструментов приводит к одному и тому же результату (последний может быть объективно зафиксирован), операциональные определения являются полноправными дефинициями. Операциональные определения не являются поэтому «уделом» только физических наук. В зависимости от характера исходных объектов, совершаемых операций и применяемых инструментов они допускают дальнейшую классификацию. В частности, если по отношению к физическим объектам (приборы, машины, аппараты) применяются физические операции (помещение груза на весы, включение электромагнита и т. п.), то речь идет о физических операциональных определениях; если по отношению к математическим объектам (числа, функции, матрицы и т. п.) применяют математические операции (вычисления функций при заданных числовых аргументах, операции над матрицами), то речь идет о математических операциональных определениях и т. п. Этот тип определений может быть выражен формулой:

Х' - ЭТО ТО, ЧТО НАБЛЮДАЕТСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫПОЛНЕНИЯ

ОПЕРАЦИЙ $0_1, 0_2, \dots, 0_k$ К ИСХОДНОМУ МАТЕРИАЛУ М С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ $I_1, I_2, \dots, I_n$.

При этом наблюдение понимается не только как визуальное: возможны слуховые, тактильные и т. п. наблюдения; регистрацию результатов наблюдений могут выполнять также и приборы. Однозначность и строгость описания операций и наблюдаемого результата зависят от точности и строгости используемого языка, а также от точности инструментов, с помощью которых осуществляются операции. Если строгость описания необходимых процедур достигает строгости алгоритма, то целесообразно говорить об алгоритмических (операциональных) определениях. Вообще говоря, полная объективация соответствующих процедур, по-видимому, превращает операциональные определения в разновидность контекстуальных, ср.:

Х — ЭТО ТО, ДЛЯ ЧЕГО ИСТИННО УТВЕРЖДЕНИЕ $P(X)$,
(где P — быть результатом выполнения операций $0_1, 0_2, \dots, 0_k$ над исходным материалом с помощью инструментов $I_1, I_2, \dots, I_n$).

Однако на практике выполнение операций, регистрация наблюдений и даже выделение исходного материала часто предполагают сугубо человеческую деятельность: абстрагирование, отождествление, классификацию и т. п. В этом смысле операциональные определения не сводимы к контекстуальным, ибо Did контекстуальных определений формируют только внутренние объективированные свойства объекта, Did операциональ-

ных определений — еще и операциональная деятельность исследователя (ср. разграничение творческих и нетворческих определений в логике [3, с. 230 и сл.]).

Практика дефинирования лингвистических терминов в этом отношении весьма интересна. В изученном лексикографическом материале нам не удалось установить примеры, которые можно было бы однозначно интерпретировать как операциональные определения. Возможно, это объясняется тем, что лексикографическая традиция предпочитает «переводить» операциональные дефиниции в родовидовые, хотя бы и ценой превращения последних в нечеткие гетерогенные определения. Однако в реальных лингвистических работах операциональная составляющая некоторых дефиниций диагностируется более четко. Так, об операциональных определениях можно говорить при разработке процедур обнаружения важнейших языковых объектов — морфем, синтаксических структур, слов, основанных на сочетаемостных свойствах элементов текста. Таковы фактически попытки операционального определения универсальных терминов типа *морфемы* или *синтаксическая структура* в дескриптивной лингвистике. В рамках этого же направления развиваются дешифровочные методы исследования языка, которые исходят из отсутствия каких-либо предварительных сведений о конкретном языке — его словаре, грамматике, семантике и т. п. — и основываются только на частотно-дистрибутивных данных о различных элементах речи или ее записи. В работах Б. В. Сухотина, например, исходя из этих предпосылок, ставится цель выделения морфем в текстах без пробелов [17, 18]. Общая идея достижения этой цели заключается в выделении в качестве морфем в каком-то смысле максимально устойчивых последовательностей букв. Соображения относительно стратегии такого выделения, предпочтительности того или иного понимания устойчивости, разумеется, не входят в структуру собственно определения. Однако после того, как такие соображения приняты во внимание, степень однозначности описания соответствующих процедур достигает алгоритма, реализованного на ЭВМ. Следовательно, и операциональное определение термина *морфема* могло бы иметь в данном случае вид: 25) *Морфема* «То, что наблюдается в результате применения к исходному материалу соответствующей алгоритмической процедуры, реализованной на ЭВМ». Исходным материалом, таким образом, здесь служит произвольный текст, образованный последовательностью букв без пробелов; инструментом служит ЭВМ, выполняющая соответствующую программу; операциями — записанные на языке программирования алгоритмические процедуры. В качестве иллюстрации операционального определения *слова* может рассматриваться работа П. С. Кузнецова [19]. Ярким примером операциональной дефиниции может служить и определение термина *однападежный ряд* (и соответственно *падеж*) А. А. Зализняка [20, с. 38–42]. В качестве исходного материала здесь служит некоторая специально построенная таблица (используется конструкция А. Н. Колмогорова — В. А. Успенского); в качестве операций — операции вычеркивания и «склеивания» строк таблицы по определенным правилам. Интересующее нас результирующее определение имеет вид: 26) *Однападежный ряд* «Назовем всякую строку, оставшуюся после всех этих операций, однападежный рядом» [20, с. 40]⁴.

⁴ Контекстуальные и операциональные определения опровергают представления о допустимости лишь кратких формулировок в качестве определений (например, «умеющих» в одно предложение).

Таким образом, среди словесных определений лингвистических терминов используются, по крайней мере, следующие типы: а) родовидовой, б) перечислительный, в) контекстуальный (разновидностью которого является и аксиоматический), г) операциональный. Есть ли что-нибудь общее для всех этих дефиниций, что позволяет говорить о специфике именно терминологических единиц? Заметим, что все перечисленные определения представляют содержание Dfd в «расчлененном» виде: родовидовое определение использует родовое (для Dfd) понятие и его видовой признак; перечислительное определение фиксирует виды или части Dfd, сводя к ним его значение; контекстуальное определение фиксирует отношения между Dfd и другими объектами (в* частности, между несколькими различными Dfd), предполагая соответствующие отношения выполненными; наконец, операциональное определение представляет процедуру построения Dfd, базируясь на некоторых исходных объектах, операциях и инструментах. Логическая теория определения в целом рассматривает и другие типы дефиниций, не использующие каких-либо аналитических процедур объяснения значения, например, синонимические дефиниции, дефиниции, задающие способы правильного употребления определяемой единицы, и т. п. Определение же терминов как знаковых представителей науки или тематической области, естественно, является лишь частью всего арсенала дефиниционных средств. Изученный материал свидетельствует, что в терминологии определение — это процедура, всегда направленная на раскрытие содержания определяемой единицы, во-первых, и претендующая на познавательный характер такого раскрытия, во-вторых. Поэтому трудно было бы признать определениями следующие, например, высказывания: «Грамматический суффикс — это окончание», «Отрицательная морфема — это нулевая морфема», «Name is a noun», «Аллигатор — это крокодил». Подобные примеры иллюстрируют различные случаи переименования, но отнюдь не дефинирования. Собственно дефиниция всегда фиксирует содержание термина с помощью анализа более дробного, чем тот, который представлен в словесной структуре определяемого термина. Определяющее термин выражение не может быть просто ссылкой, указанием на значение, способ выражения которого столь же синкретичен, что и способ выражения определяемой единицы. Отсюда следует, что и лексико-синтаксическая структура определяющего всегда сложнее (и, как правило, значительно сложнее) лексико-синтаксической структуры определяемого (более подробно о соотношении лексико-синтаксической структуры определяемого и определяющего в терминологии см. работу [33]). Таким образом, словесное определение термина — это объяснение его значения, закрепляющее в языке результаты того или иного анализа определяемого понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ret/A.* La terminologie: noms et notions. P., 1979.
2. *Robinson R.* Definition. Oxford, 1950.
3. *Горский Д. П.* Определение (Логико-методологические проблемы). М., 1974.
4. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. *Нечаев Г. А.* Краткий лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, 1976.
6. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
7. *Вахек И.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
8. *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
9. Тетради новых терминов. № 23: Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 1 / Сост. Демьянков В. З. М., 1979.

10. Тетради новых терминов. № 39: Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2 / Сост. Демьянков В. З., М., 1982.
11. *Steble D.* Concise handbook of linguistics. A glossary of terms. N. Y., 1967.
12. *Palmatier A. A.* A glossary for English transformational grammar. N. Y., 1972.
13. *ffartmann R. R. K. Stork F. C.* Dictionary of language and linguistics. New York; Toronto, 1972.
14. *Mounin G.* Dictionnaire de la linguistique. P., 1974.
15. *Поляков И. В.* Лингвистика и структурная семантика. Новосибирск, 1987.
16. *Пафучева Е. В.* О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.
17. *Сухотин В. В.* Оптимизационные методы исследования языка. М., 1977.
18. *Сухотин В. В.* Выделение морфем в текстах без пробелов между словами. М., 1984.
19. *Кузнецов П. С.* Опыт формального определения слова // ВЯ. 1964. № 5.
20. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
21. *Гетманова А. Д.* Логика. М., 1986.
22. *Свинцов В. И.* Логика. М., 1987.
23. *Волкова И. Н.* Типовые структуры определений в стандартах на термины и определения // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
24. *Волкова И. Н.* Моделирование определений в терминологических стандартах // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.
25. *Слосарева Н. А.* О типах терминов (на примере грамматики) // ВЯ. 1983. № 3.
26. *Шелов С. Д.* Опыт семантического анализа лингвистической терминологии при построении информационно-поискового тезауруса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
27. *Кандаки Т. Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.
28. *Стемковская Е. П.* Семантическая и словообразовательная структура русской терминологической лексики (терминология сейсмической разведки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
29. *Стрижевская О. И.* О семантической структуре терминов // ФН. 1976. Л^т 6.
30. *Антонова Т. Н.* Текстовые формулировки научного определения // ВЯ. 1984. № 1.
31. *Шелов С. Д.* Опыт формализованного представления логико-семантической системы терминологии (на материале математических терминов) // Проблемы вычислительной лингвистики и автоматической обработки текста на естественном языке. М., 1980.
32. *Reichenbach N.* Elements of symbolic logic. N. Y.; L., 1947.
33. *Шелов С. Д.* Логическое и лингвистическое в определении термина (Об одном синтаксическом правиле определения). // ИАН ОЛЯ. 1987. № 2.